

НАДО ЛИ БОЯТЬСЯ СОВЕРШАТЬ ОШИБКИ?

Ответы на вопросы открытых встреч

Вопрос: Бывает ли так, что человек думает, что делает добро, а Бог так не считает?

Свящ. Георгий Кочетков: Очень даже бывает. Во-первых, потому, что добро и зло очень часто переплетены, а во-вторых, потому, что зло мимикрирует. В Писании об этом сказано, что ангелы тьмы принимают вид ангелов света. И человек может быть свято уверен, что он делает добро, что он говорит хорошие вещи, что он на правильном пути в жизни, а при этом все может быть по-другому. Вот для этого и существует Церковь — чтобы проверять духом и смыслом, и словом Божиим, конечно, то, что делает человек. Ведь доверять исключительно себе он не может.

Вопрос: Если человек неверующий, то все его поступки — зло?

О. Георгий: Конечно, нет. Хотя человеческая натура “удобопреклонна ко злу”, в каждом человеке есть образ Божий. Как бы он ни был искажен, извращен, — он есть. А коли он есть, значит, в каждом человеке есть хоть какая-то крупица добра. И это очень важно. Так что даже злодеев нельзя осуждать с ходу и окончательно.

Вопрос: Если в том мире нет добра и зла, то какая разница, как тут, в мире сем, ведет себя человек и к чему тянется — к добру или к злу?

О. Георгий: Чтобы ответить на этот вопрос, надо понимать, что значит, что в том мире нет добра и зла. Это не значит, что там может быть беззаконие. От добра и зла можно двигаться в двух противоположных направлениях — вниз, к беззаконию, или вверх — к закону любви и свободы. В том мире есть закон любви и свободы.

Но это совсем не значит, что для человека здесь, в этом мире, есть возмож-

ность не знать различия добра и зла. Если он не знает его, то он будет творить беззаконие. К сожалению, такова жизнь: человек, отказывающийся от познания добра и зла, всегда идет к худшему, а не к лучшему. Послание к Евреям говорит нам, что чувства должны быть навком приучены к различению добра и зла. Лишь через этот навик можно возрасти в Христовой благодати. Раньше у нас часто говорили: до революции, мол, люди были так воспитаны, что они не могли сказать неправду, не то что убить или убит. Даже для простого народа в большой степени это было невысимо. (Конечно, всегда были и другие люди, они всегда бывают, но это другой разговор). Именно на этом основании хорошо усваивается благодать Христова, и тогда человек может жить тем, что выше добра и зла.

Об этом же говорил и Бердяев: лучше было бы не знать различия добра и зла, но если мы уж знаем это различие, то мы должны учиться различать очень хорошо.

Вопрос: Получается, что революцию совершали люди, которые в отличие от нас знали Закон Божий. Как это могло быть?

О. Георгий: Во-первых, это не факт, что революционеры знали Закон Божий. Учили — да, даже в семинариях, но как они его учили, видно из их писаний. А потом — человек может внешне знать, а сердцем не знать. Я думаю, что это тот самый случай.

Правда, надо сказать, что среди революционеров, к их чести, были люди разные, были и те, кто действительно страдал народу, кто искал социальной справедливости, и тогда вопрос был только в средствах: какие средства допустимы для того, чтобы эту несправедливость и это зло в некоторую меру преодолеть. К сожалению, следуя столь часто-

му противопоставлению внешнего и внутреннего мира, они думали лишь о внешнем, а о внутреннем не думали. Вот это их и губило.

Вопрос: Верующие заключают с Богом договор, завет. Но любой договор ограничивает свободу. Значит, верующие не могут быть свободны?

О. Георгий: Безусловно, свобода в смысле произвола (“что хочу, то и ворочу”) для человека, заключившего с Богом договор, завет, невозможна. Всякий завет связан с заповедью, а заповедь — это всегда граница. В этом мире, лежащем во зле, без границ невозможно: свет во тьме светит, но тьма не должна объять его. И вот это нужно всегда понимать — что когда человек отказывается от самоограничения, хотя бы в принципиальных вещах, он не удержит ни любви, ни свободы, ничего ценного в этом мире.

Вопрос: Если Бог есть любовь и свобода, то больше ничего не нужно. Зачем обращать внимание на окружающий мир? Нужно идти в монахи и все.

О. Георгий: Кто сказал, что только пойдя в монахи, человек становится преданным любви и свободе, а вне монашества он этого не знает? Как раз очень часто бывало наоборот, как мы знаем, — монахи искушались и оказывались вне любви и свободы, а люди простые, иногда живущие обычными семейными ценностями, были выше их.

Вопрос: Как можно быть свободным сейчас в нашем обществе?

О. Георгий: Свободным можно быть всегда, и внутренне, и внешне. Просто источник свободы — в Боге, и дар свободы мы получаем вместе с благодатью. Другое дело, как мы этот дар усваиваем, насколько мы можем этой свободой

С. Боттичелли. Портрет девушки.

пользоваться не в ущерб себе и другим. Многие воспринимают свободу как свободу для себя, и только. Но это не есть свобода.

Вопрос: Что значит довериться Христу? Это значит не бояться действовать и даже совершать ошибки?

О. Георгий: Надо бояться совершать ошибки. Но не надо жить одними страхами. Если человек будет слишком бояться ошибиться, то он просто ничего не делает. Надо иметь страх Божий, но надо и доверять Богу, Который покроет наши недостатки, грехи и немощи ради того, чтобы мы могли послужить Ему. Конечно, “мы все много согрешаем”, но важно, чтобы мы не были к этому равнодушны, чтобы мы все-таки старались не делать ошибок, и, действительно, этого боялись.

Андрей Рублев. 1993 г.

В СТРАНУ ДУШИ

Необычайная история итальянской художницы Элиде Кабасси, которая живет и работает в России

ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР

Элиде Кабасси провела в Москве 1988-1989 учебный год, получив стипендию Института русского языка им. А.С. Пушкина. Затем, в 1992 году решила вернуться и остаться здесь. Необычный выбор для художника. Действительно, казалось бы, более логично переехать в Париж, Лондон или Нью-Йорк, в благословенный край рынка искусства и системы, определяющей модные тенденции и успех. Однако Москва может притягивать больше, чем Большое Яблоко. Конечно, безмерные пространства и безграничные небеса, животворящая психология русских мужчин и женщин, столь распространенное философское отношение к жизни, то значение, которое придается искусству, становятся важным призывом, заметным отличающимся от того, к чему мы привыкли на Западе. Элиде любит Москву еще и за ее большие парки, беспредельные леса, ее пересекающие, и мириады рошиц, которые часто находятся сразу за домами.

Она родилась в деревне, затерянной в горах близ Брешии, в семье горнорабочего и портнихи, последняя из трех сестер и шести братьев. Жила в Вильяно д'Асти — небольшом городке Пьемонта, куда переехала впоследствии ее семья, и куда она каждый год возвращается. Получила диплом по живописи в Академии изящных искусств во Флоренции, где в 1990 году была организована ее первая персональная выставка. Впоследствии выставляется в Милане, Пекине, Цюрихе, Мюнхене, в

художественных музеях Пскова и Ярославля, в различных галереях и организациях Москвы.

В 2002 году Ирина Музыка защитила диплом по творчеству художницы на отделении истории искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Получив в Италии квалификацию преподавателя художественного образования, Элиде преподавала в Москве в итальянской школе Констанца Винчи и в ГОУ № 1835 “Материнская школа”. Постоянно сотрудничает с группой философов, психологов, лингвистов научно-исследовательского Института инновационных стратегий развития образования под руководством профессора Ю. В. Громыко.

ПОЭТИКА ТИШИНЫ. РАССУЖДЕНИЕ ВИТТОРИО СТРАДА

Вот что пишет известный итальянский славист о живописи Элиде Кабасси:

“Поэтика тишины — имеет ли смысл определить таким образом какое-либо особое явление в живописи, если всякая живопись — по преимуществу безмолвное искусство, в отличие от поэзии и музыки, лишенное какой бы то ни было артикуляции?”

Имеет, если живопись как бы изображает отсутствие всякого шума, всякого волнения, всякого возбуждения — именно тишину, как покой и как высшую гармонию, располагающую к слушанию, сосредоточению, молитве.

Изображать тишину — значит обращаться к двум измерениям, которые выходят за пределы обычной, непосредственной реальности окружающих нас вещей: к внутреннему — и космическому. Или же к двум бесконечностям, перетекающим одна в другую и порождающим Пустоту, которая не есть небытие, но полнота Бытия, в неизмеримости которого могут звучать лишь Логос, Слово, вопрос и мольба, диалог с самим собой и с Иным.

Искусство во всем многообразии своих форм, в том числе и музыка — искусство звука — это хранитель тишины.

И в этом качестве оно хранит тех, кто способен его слушать, выходя за границы тесного пространства собственного Я в безграничное пространство всех прошлых, настоящих и будущих Я и Того, что таинственно возвышается над ними и их объемлет и что называют Богом, давая ему различные имена.

Поэтика тишины, проникнутой дуновением непостижимого присутствия — это поэтика, которая открывает то, что не высказано и то, что невозможно высказать; поэтика, в которой форма и цвет, изображение и пятно, ритм и звучие являются символами некоего Целого, которое пребывает над всем и является Образом Тишины, которая есть Свет, Открытость, поляна в лесной чаще, надежда среди полной заброшенности”.

На с. 2 мы публикуем беседу Элиде Кабасси с итальянским поэтом Газетано Марчеллино.

КОГДА МОСКВА МОЖЕТ ПРИТЯГИВАТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ НЬЮ-ЙОРК

Газтано Марчеллино: Тринадцать лет назад Вы решили переехать и работать в России. Почему выбор молодой художницы — жить не в Париже или в Нью-Йорке, а в Москве?

Элиде Кабасси: Этот вопрос мне часто задают, особенно русские, недоразумевающие, почему я предпочитаю их холодную страну солнечной Италии, к которой они питают особую страсть. Я могу сказать, что здесь моя душа обретает пристанище, ей сообразное; белый цвет, беспредельные березовые роши, широкий и всегда отдаленный горизонт, некоторые иконы и отдельные церквушки, и особенно невероятная человеческая текстура, проявляющаяся здесь в мириадах своих лиц, культура и глубокая духовность — вот то, чем для меня так дорога эта страна, которая, даже будучи терзаема горькими историческими событиями, по праву была определена Мариной Цветаевой как “страна души”.

Г. Марчеллино: В некоторых Ваших больших произведениях, таких как цикл “Преграды” и картина “Красная зима”, мы видим вереницы фигур, людской поток всех поколений, пересекающий пространство. Это как-то связано с историческими событиями?

Э. Кабасси: Да, эти люди — все те, кого заделали войны, массовые убийства и насилие любого рода. Убегая, они пытаются спастись от истории, которая всегда и всюду диктуется властью имущими. Вспоминаются слова Льва Толстого, который, обращаясь к человечеству, призвал прекратить разыгрывать фальшивую и бесполезную комедию истории и начать попросту жить.

Цикл “Преграды” был написан в 1991 году; в то время Соединенные Штаты бомбили Ирак и в те же годы, после падения Берлинской стены, Европу пересекала масса бедных людей, которые в силу различных обстоятельств были вынуждены покидать собственную страну в поисках работы, жилища...

“Красная зима” же была начата на рубеже 1994-95 годов, именно в те дни, когда Россия начала бомбардировку Чечни. Информация, приходящая из Грозного, как и та, которая несколькими годами раньше поступала из Багдада, запечатлилась в ткани не только этих, но и других картин. Андрей Тарковский писал, что более всего его поражает и пугает в жизни беззащитность человека, тем более тревожащая, когда он находится во власти произвола себе же подобного. Война есть высшая степень насилия; в “Красной зиме” особенно видно, что изранено не только человеческое существо, но и все окружающее пространство: вода, земля, небо... В этой картине вся надежда сконцентрирована в последней части, где едва угадываются три ангела, и где рядом с ними проступают несколько написанных строк:

И все мы знаем, не зная об этом,
что истории не существует
без истории каждого.
Великая тайна
пока не даруется миру
освобожденные.
(Газтано Марчеллино).

Г. Марчеллино: Русскому народу история причинила много страданий. Некая субстанция мировой боли проходит сквозь Вашу живопись, как вереницы людей, пересекающих некоторые Ваши картины. Это так?

Э. Кабасси: Есть народы, которые страдают более других, и русский народ, несомненно, один из них. Тени революции, сталинские репрессии, вторая мировая война, военное вторжение в Чехословакию, еще открытая рана Афганистана — вот лишь частичное упоминание о веке минувшем. Боль терзаемой Чечни, по-прежнему задыхающейся от произвола местных мафий и групп чеченских экстремистов, являются причиной глубокого страдания для многих русских. И это страдание, как и то, которое наполняет весь мир, не может не быть частью меня и моей живописи.

Красная зима. 1994-95 гг.

Г. Марчеллино: Эти людские потоки Вы называете “погибшим поколением”. Но у Данте это выражение используется для приговоренных к аду. “Погибшие” — потому что больше нет никакой надежды. В Ваших картинах эти отчаявшиеся люди кажутся, скорее, народом, страдающим за существование. Беззащитные, безвестные люди, в большинстве своем населяющие землю. Так ли это?

Э. Кабасси: Осип Мандельштам в одном своем стихотворении 1937 года определяет наш мир как чистилище. В целом, это действительно так. Но еще более верно это для тех точек нашей планеты, которые, являясь стратегическими по своему географическому расположению или из-за обилия сырьевого материала, являются центром кровавых и нескончаемых столкновений. Но в отличие от Дантова ада, “погибшее поколение”, которое волею судьбы оказывается живущим в этих местах и которое так часто появляется в моих картинах, надеется на выход. Может быть, это всего лишь любовь, которая в ситуациях предельного страдания, безвыходных ситуациях, помогает человеку жить.

Г. Марчеллино: В картине “Сквозь свет”, написанной в 1999 году, представлено большое количество фигур, погруженных в свет, в некую стратиграфическую, филигранную прозрачность. Что есть свет в Вашей живописи?

Э. Кабасси: Свет — это своего рода обещание, это прелюдия к “чему-то иному”. На картине непрерывная человеческая цепь из мужчин и женщин разных рас и поколений, погруженных в свет и сотканых в свою очередь из прозрачного света, движется в пространстве, будто бы им материальном, где полностью отсутствует даже малейший след тени, стремясь перейти тот главный порог, который разделяет и объединяет жизнь и смерть; порог, сопровождающий каждый шаг нашей жизни.

Здесь обнаруживается некая человеческая реальность, которая, выходя за тотализирующие границы истории и самой природы, размещается в не-месте чистой трансцендентности, там, где лишь нам дано жить в полном забвении страдания, сплетающего этот мир жизни.

Г. Марчеллино: Вы выставились в Пскове по приглашению Художественного музея этого древнего города, где в XV - XVI веках был расцвет известной иконописной школы. И еще: на одной из Ваших картин представлен образ Андрея Рублева, а две другие названы “Ностальгия по Леонардо” и “Посвящение Джотто”. Существует ли связь между древнерусским и итальянским искусством и между ними и Вашей живописью, столь разной и совсем иной?

Э. Кабасси: Отчасти итальянское Возрождение: Чимабуэ, Джотто, Мазаччо, Беато Анжелико, некоторые работы Леонардо и некоторая русская религиозная живопись: Феофан Грек, Андрей Рублев, Даниил Черный, Дионисий и прочие, которые не оставили своего имени, даже будучи столь разными культурными и религиозными феноменами, характеризуются особым духовным вниманием к человеческому существу. Это и есть их общий горизонт, где взаимосвязываются человек и Бог, создавая в своей разделенности неразрывное единство. Одна-

ко отличает итальянских художников от русских иконописцев тот путь, с помощью которого они приходят к этой взаимосвязи: первые через землю, а вторые — через небо, обнаруживая, таким образом, два различных способа переживать божественность: в первом случае как имманентную реальность, которая обнаруживается человеком в первую очередь в результате познания; во втором случае — как нечто трансцендентальное, что дается человеку главным образом благодаря откровению.

Именно эта духовная реальность, несмотря на все ее разнообразие, и удивительная красота формы, ее выражающая, связывает меня с этими великими мастерами.

Сквозь свет (фрагмент). 1999 г.

Г. Марчеллино: Среди художников XIX и XX столетий кто для Вас наиболее близок?

Э. Кабасси: В течение своей жизни художник всегда обращается к какому-то мастеру, который меняется в зависимости от того, что интересует художника в данный момент. В этом смысле среди мастеров XIX века я могу назвать Курбе, Милле, Пеллицу да Вольпедо, Ван Гога, Сезанна, Пикассо... Среди них особое место занимает Ван Гог, который был и остается для меня важным учителем. Помимо красоты и жизненной силы его живописи меня особенно поражает его отчаянное желание быть поддержкой другим. В письмах к брату Тео он часто пишет, что хочет создавать живопись, которая могла бы утешать человека; до него ни один живописец не ставил себе такую первоочередную “задачу”.

В XX веке среди моих избранных я могу назвать Клее, Кандинского, Ротко, Моранди, Вейсберга, Джакометти, близких мне за тот “духовный реализм”, как мне нравится определять его, который проявляется в их работах через некую вибрирующую красоту. И еще, в моем маленьком пантеоне мастеров этого периода особенно выделяются две фигуры: Андрей Тарковский и Михаил Шварцман, которого я считаю величайшим русским художником двадцатого века и одним из великих мастеров в истории искусства в целом. Два года назад Русский музей в Санкт-Петербурге посвятил ему обширную ретроспективную выставку. Также благодаря музею в этом году вышла крупная монография, посвященная его творчеству.

Г. Марчеллино: Есть ли различие между западными странами и Россией в отношении к искусству? И, говоря в целом, искусство — это связь с другим?

Э. Кабасси: Искусство — это по сути своей отношение с другим. Картины — это пороги, где взаимодействие между художником и зрителем может дать начало новым перспективам познания и деятельности. Мне кажется, этой связи не способствуют экспозиционные инфраструктуры, которые, музеефицируя, или того хуже, превращая в товар художественное произведение, зачастую отдалают его от человека. Я разделяю мнение, что музеи в том виде, в котором они существуют, за редким исключением являются кладбищем искусства.

В России отношение к искусству все же отличается от западных стран. Если в последних искусство воспринимается больше как интеллектуальный факт, всегда немного отстраненно от повседневности, здесь же оно переживается душой как нечто, что сплетается с самой жизнью и может преобразовать ее, даже самым коренным образом. Я заметила, однако, что в последние годы, особенно среди молодого поколения, это особенное русское отношение в восприятии художественного произведения, к сожалению, меняется, становясь все более похожим на европейское.

Г. Марчеллино: Коммуникативная система XXI века, которая охватывает также социальные установки и нормы поведения, все более основывается на стереотипных образах реальности, которые навязывают средства массовой информации и реклама. В какой роли может выступать искусство в целом и в особом контексте современного мира?

Э. Кабасси: Искусство всегда отвечает глубокой потребности человека во взаимосвязи с таинством, в которое он погружен. В этом смысле оно перекидывает мосты к этой “другой реальности”, которые могут выступать как настоящие “человекообразующие машины”: определение, данное М. Мамардашвили мифу, замечательно подходит и к значительной части произведений искусства.

Обращаясь к нам: если в целом средства массовой информации — этот предавший слуга власти и капиталов, прирученный манипулировать сознанием в пользу последних, — зачастую используют агрессивные шаблоны, чуждые всякой нравственности, произведение искусства действует совершенно иначе, предлагая образы, которые могут помочь развить в человеке критическое сознание, свободное, в рамках ценностей человеческой этики.

То, что искусство часто предавало и сегодня предает само себя, выполняя не свои задачи, подчиняясь индивидуальным корыстным притязаниям, различным идеологиям, рынку или еще чему-либо, — это горький факт.

Г. Марчеллино: А Вы как художница, в чем Вы видите свою задачу? Что побуждает Вас писать картины?

Э. Кабасси: Я хотела бы через свои картины обернуть взор людей, часто столь беглый и невнимательный, к красоте и к страданию, не только человеческим, пересекającym жизнь. Хотя я не думаю, что красота спасет мир, я уверена, что созерцание ее может отчасти утешать человека и склонять его к доброте, которая вместе с практикой справедливости является драгоценной возможностью, у нас имеющейся, чтобы уменьшить, хотя бы частично, ту огромную боль, что сопровождает существование.

Внутри этого тревожащего сосуществования страдания и красоты берет начало мое побуждение к живописи, которое для меня означает разграничить на поверхности картины пространство света, способного вместить мой глубинный диалог с другими, в измерении метафизической высоты.

Сокровенная беседа между мною и другим, которая обретает свой истинный смысл лишь тогда, когда, выходя из периметра мира идеи, она в состоянии опрокинуться в реальность жизни, как желание привести в нее любовь.

Перевод с итальянского
Ирины БОЧЕНКОВОЙ

Познакомиться с картинами Элиде Кабасси вы можете на сайте художницы <http://www.elidecabassi.com/>